

4. Закирова Т. И. Проектная деятельность студентов как метод формирования компетенций студентов вузов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. С. 326.
5. Карпов В. В., Воевода Е. В. Формирование профессиональных и личностных качеств студентов-международников как основы профессиональной идентичности // Современное педагогическое образование. 2018. № 1. С. 89-94.
6. Карпов В. В. Особенности профессиональной подготовки студентов-международников в России // Современное педагогическое образование. 2019. № 9. С. 201-205.
7. Карпов В. В. К вопросу о профессиональной подготовке студентов-международников в России // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор В. И. Казаренков. 2018. С. 206 -210.
8. Костикова Л. П. Межкультурная коммуникация в поликультурной образовательной среде вуза // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. Т. 9. № 2. С. 17-22.

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ ДВУЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ (в аспекте дидактики перевода)

Н. Н. Скворцова, А. С. Мартынович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sonato4ka@mail.ru*

В статье раскрывается проблематика разноаспектного исследования грамматических средств, конституирующих индивидуально-авторский стиль дву- и/или полиязычного писателя. Целостность и своеобразие его идиостиля как феномена формы обеспечивается богатым набором не только лексических и фразеологических, но и грамматических средств, наличествующих в языках, на которых творит автор, и являющихся константами его разноязычных текстов. В арсенале морфолого-синтаксических средств писателя-билингва, владеющего русским и английским языками, атрибутивные формы глагола, прежде всего причастия, занимают особое место ввиду гибридной грамматической семантики и богатого экспрессивно-стилистического потенциала. На примере прозаического наследия В. В. Набокова показывается неизменность обращения автора к данным атрибутивным формам, которые на протяжении истории изучения индивидуально-авторских художественных систем и в теории художественной речи в целом получали крайне противоречивые оценки: от категорического неприятия до безоговорочного признания.

Ключевые слова: индивидуальный стиль; художественный текст; двуязычный писатель; атрибутивная форма глагола; причастие; Владимир Набоков.

STYLE-FORMING GRAMMATICAL PHENOMENA IN THE LITERARY AND ARTISTIC HERITAGE OF A BILINGUAL WRITER (in the aspect of translation didactics)

N. N. Skvortsova, A. S. Martynovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: N. N. Skvortsova (sonato4ka@mail.ru)*

The article reveals the problems of a multi-aspect study of grammatical means which constitute an individual author's style of a bilingual and/or multilingual writer. The integrity and originality of the idiosyncrasy as a phenomenon of form is provided by a rich set of lexical, phraseological, and grammatical means of the languages in which the author creates. In the wide range of morphological and syntactic means of the writer who represents the language pair «Russian – English», attributive verb forms,

primarily participles, play a significant role due to their hybrid grammatical semantics and expressive and stylistic potential. Nabokov's prose heritage shows the immutability of the author's usage of these attributive forms, which have always been either completely rejected or unconditionally recognized by researchers of an individual author's style and artistic speech theory.

Key words: individual style; artistic text; bilingual writer; attributive verb form; participle; Vladimir Nabokov.

Грамматический строй текстов не может не обращать на себя внимания, поскольку синтаксис – пласт идиостиля, который «прямо отражает художественную идеологию и особенности мировосприятия писателя» [1, с. 20]. Выбор и позиция слова в коммуникативной структуре предложения, «музыка точной фразировки» (выражение В. В. Набокова), грамматическое наполнение различных форм субъектной речи (речи автора, персонажей), синтаксический рисунок высказывания, микротекста и текста в целом, актуализация грамматических противопоставлений (от синтаксем до предикативных частей) – всё в художественном тексте подчинено воплощению творческого замысла. Нельзя не принять расхожий тезис: именно синтаксическая организация текста дает выход к авторской концепции стиля. Его своеобразие, уникальность, стереотипные и, наоборот, крайне индивидуалистические черты – всё это выражается также через грамматические доминанты, они суть приметы, знаки стиля. Каждое художественное произведение, без сомнения, является выражением личности своего создателя, и в каждом из них проявляется индивидуальная манера писателя, обусловленная не только его мировоззрением, но и влиянием эстетики эпохи. Этим объясняется стабильный интерес литературоведов и лингвистов, в том числе переводчиков-теоретиков, к категории идиостиля – одной из базовых категорий в области филологического знания.

В аспекте дидактики перевода особую значимость приобретает изучение многомерной авторской системы средств творческого выражения дву- и/или полиязычного писателя, индивидуально-характеристических тенденций употребления языковых единиц и конструкций в художественной речи би- и/или полилингва, предпочитавшего собственные переводы чужим усилиям. Контрастивный лингвистический анализ таких параллельных текстов расширяет границы методологического инструментария теории и практики художественного перевода, а также дополняет и углубляет стройные теоретические системы Г. Г. Шпета, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского, А. А. Потебни, М. М. Бахтина, Г. О. Винокура, в которых раскрывается проблематика эстетического значения языковых средств и стилистических доминант идиостиля как феномена формы. Сопоставление художественных автопереводов и исходных текстов в целях выявления принципиальных расхождений в языковом выражении заданного смысла и последующая реконструкция переводческих решений (выбор того или иного приема перевода, ограничение или расширение границ авторской свободы при передаче содержания средствами иного языка и многое другое) позволяют очертить круг грамматических явлений, неизменно наличествующих в текстах и конституирующих идиостиль дву- и/или полиязычного автора (например, вставные конструкции, парцелляция и другие явления экспрессивного синтаксиса, пассивные обороты, предложения усложненной структуры и др.), вскрыть языковые механизмы перевода как деятельности.

В арсенале писателя, владеющего языковой парой «русский ↔ английский», атрибутивные формы глагола, прежде всего причастия, занимают особое место ввиду гибридной грамматической семантики и богатого экспрессивно-стилистического потенциала. Необходимо подчеркнуть, что причастие – тот еще крепкий орешек не только русской, но и английской грамматики, причем русское причастие – языковое средство с внушительной «глубиной архива» изучения, с более чем двухсотлетним спором о его грамматическом статусе, с полярными мнениями лингвистов, литературоведов и самих мастеров слова относительно места и роли причастий в художественном тексте – «активном участнике одной из самых совершенных форм коммуникации, когда-либо созданных человеком» [2, с. 4]. В числе поэтов и прозаиков, резко критиковавших наличие в художественных текстах причастных форм, были К. Батюшков, М. Горький, И. Бабель, В. Ардов. Если для Бабеля, «причастия... скрежещут, как будто танки переваливают на своих гусеницах через каменный завал» и «три причастия в одной фразе – это убийство языка» [цит. по: 3, с. 139], то для В. В. Набокова причастные формы, выражаясь словами М. В. Ломоносова, «заключают в себе имени и глагола силу» [4, с. 407]) и являють собой семантически емкие и предельно выразительные языковые средства.

Рассмотрим вопрос о стилеобразующих грамматических явлениях, к которым с полным правом можно отнести причастия, в литературно-художественном наследии двуязычного писателя на примере творчества Набокова. В подтверждение сказанного выше достаточно упомянуть, что набоковские тексты могут содержать до двенадцати причастий-словоупотреблений в структуре предложения, причем эти очевидно «книжные» формы, несвойственные спонтанной устной речи и заключающие в себе, как говорил М. В. Ломоносов, «некоторую высокость», писатель переносит даже в маргинальный для высокой литературы жанр – интервью. Обилие причастий, их стилистическая актуализация в русско- и англоязычных литературных произведениях Набокова обращают на себя внимание даже без специального лингвистического исследования:

*[...] и теперь, когда он [Ганин] случайно вдохнул карбид, все ему вспомнилось сразу: мокрая трава, **хлещущая** по **движущейся** икре, по спицам колес, круг молочного света, **впивающий** и **растворяющий** тьму [...]* («Машенька»);

*Потом был прерывистый треск **вращающегося** валика, потом – спуск воды, **захлебывающейся**, **стонущей** и вдруг пропадавшей, потом – загадочный внутренний вой ванного крана, **превращавшийся** наконец в шорох душа* («Дар»);

*I remember **peering** over the banisters and **seeing** him come up the stairs, after school, **dressed** in the black regulation uniform with that leather belt I secretly coveted, **mounting** slowly, slouchingly, **lugging** his piebald satchel behind him, **patting** the banisters and now and then **pulling** himself up over two or three steps at a time* («The real life of Sebastian Knight»). // Я помню, как, заглянув через перила, я увидел его *всходящим* после школы по лестнице, в черной форме с кожаным ремнем, о котором я *втайне мечтал*; он поднимался медленно, сутулясь, *волоча за собой пегий ранец, поглаживая перила, время от времени перетягивая себя через две-три ступеньки* *зараз* («Подлинная жизнь Себастьяна Найта», пер. с англ. С. Ильина).

Сравним некоторые контексты из романа «*Lolita*» и их соответствия в автопереводе:

<i>Let me retain for a moment that scene in all its trivial and fateful detail: hag Holmes writing out a receipt, scratching her head, pulling a drawer out of her desk, pouring change into my impatient palm, then neatly spreading a banknote over it [...], my trembling hands; [...]; a sound of trees and birds, and my pounding heart ...</i>	Хочу на минуту продлить эту сцену со всеми ее мелочами и роковыми подробностями. Карга, выписывающая расписку, скребущая голову, выдвигаящая ящик стола, сыплющая сдачу в мою нетерпеливую ладонь, потом аккуратно раскладываящая поверх монет несколько ассигнаций [...], мои дрожжащие руки; [...] шум деревьев и пение птиц, и мое колотящееся сердце...
--	---

<i>The noncommittal mauve mountains half encircling the town seemed to me to swarm with panting, scrambling, laughing, panting Lolitas who dissolved in their haze.</i>	Уклоняющиеся от ответа лиловые горы, полукругом охватывающие город, как будто кишки часто дышащими, карабкающимися, стотыкающимися, смеющимися, все чаще дышащими Лолитами, которые растворялись в легком тумане.
--	---

Если в вышеприведенных примерах отмечается большая или меньшая степень взаимного соответствия русских и английских причастий, то следующая иллюстрация показывает явное преобладание причастий в русскоязычном автопереводе. В английском контексте имеется только одна причастная форма: **clearing** (Participle I); придаточную часть (*subordinate clause*) *who might not care* Набоков передал на русский язык посредством причастия с отрицанием (**не желающего**), а фразу *all bed and bidet* (*the Nominative Absolute Construction without Participle*) перевел причастным оборотом (**состоящей** из кровати и биде):

<i>She led me up the usual steep stairs, with the usual bell clearing the way for the monsieur who might not care to meet another monsieur, on the mournful climb to the abject room, all bed and bidet.</i>	Она повела меня вверх по обычной крутой лестнице с обычным сигналом звонка, уведомляющим господина, не желающего встретить другого господина, что путь свободен или несвободен – унылый путь к гнусной комнате, состоящей из кровати и биде.
--	--

Рассказы и романы писателя, его автобиографические (мемуарные) книги, различные по времени и обстоятельствам создания, по своим идейно-содержательным, композиционным, жанрово-стилистическим характеристикам и художественным достоинствам, всё же суть «проявления одного поэтического сознания в его органическом развитии» [5, с. 38], поэтому закономерно прослеживается стилистическая маркированность каждого текста (и русско-, и англоязычного) атрибутивными конструкциями с причастиями. По всей видимости, причастие как особая – гибридная, двойственная – грамматическая форма (в обоих языках) представляет для Набокова неизменный способ «совершения мысли в слове», если перефразировать известное выражение Л. С. Выготского, и является конститuentом его уникальной, «иной, новой манеры», о которой говорил литературный критик Г. Адамович и которая определяет своеобразие художественных ракурсов вне зависимости от языка описания.

Интересно, что автоперевод «Лолиты», выполненный спустя двенадцать лет после написания романа, привел Набокова к мысли, что существует огром-

ная разница «в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, иногда довольно безвкусным юношей и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа» [6, с. 646]. Однако в постскрипуме к русскому изданию «Лолиты» писатель охарактеризовал русский и английский как «два изумительных языка». Обсуждая в 1972 году с Клодом Жанно феномен двуязычного творчества, Набоков сказал о себе как о «попросту уникальном» случае в мировой литературе и недвусмысленно заявил, что ему «неизвестны писатели, у которых серии романов на том и на другом языке обладали бы одинаковой художественной ценностью» [7, с. 349]. В опубликованных интервью с Набоковым последовательно проводится мысль о его прекрасном владении английским языком, о совершенстве и красоте набоковского английского и об одинаковой легкости использования писателем обоих языков. Показательна авторская оценка преимуществ билингвизма: он отметил возможность передать более «точный нюанс», переключаясь с языка на язык [7, с. 323].

«Кажется, Набоков – единственный в мировой литературе писатель, который вырастил свой собственный литературный почерк на двух языках», – подчеркнул в некрологе о Набокове Юрий Иваск. Его слова имеют продолжение: «Один из французов – друзей Тургенева – уговаривал его писать по-французски. Тургенев ответил: «Могу, но не хочу». А Набоков и мог, и хотел, и стал большим английским писателем» [8, с. 272]. Если с тем, что Набоков «стал большим английским писателем» и «великим мандарином» американской прозы трудно не согласиться, то вопрос о том, хотел или не хотел он творить на английском остается дискуссионным. С этим вопросом неразрывно связан и вопрос о языковой метаморфозе его «литературной музыки», трансформации индивидуально-авторского стиля и наличии/отсутствии в его оригинальной манере письма тех или иных стилеобразующих черт.

Анализ конструкций и выявление грамматических конститuentов идиостиля писателя служат также важнейшим средством проникновения в бытие языка с его (языка) глубоко национальными чертами. Так, степень распространенности в языке атрибутивного типа оформления признака и характер атрибутизации рассматриваются лингвистами как важный типологический параметр (по предпочтению атрибутивного оформления действия перед предикативным к числу языков атрибутивного типа относится, к примеру, церковнославянский) [9, с. 95–96]. Результаты проведенного нами исследования опровергают весьма устойчивое и несколько упрощенное представление о причастии как о языковом средстве, которое обычно функционирует в структуре высказывания в качестве периферийной пропозиции и позволяет лишь избежать лексической или грамматической тавтологии.

Объективности ради следует заметить, что установление стилеобразующих грамматических явлений в контексте проблематики единства творческого почерка писателя может решаться с привлечением не только художественной, но и мемуарной, очерковой прозы, с обращением к наименее изученной части наследия того или иного художника слова: его интервью, эссе, литературных набросков, различных материалов периодики, опусов частной переписки и т. п.

Сопоставление параллельных фрагментов в контексте задач обучения переводу предполагает не только лингвостилистический анализ или как минимум комментарий первых, но и анализ допущенных автором отступлений от требований, предъявляемых к переводу (точность, ясность, целостность, литературность и др.), определение способов преодоления автором-переводчиком лексических и грамматических трудностей, имеющих место при передаче информации конфронтлируемого языка. Карточка предлагаемых для анализа примеров должна содержать репрезентативную выборку, подтверждающую или опровергающую «единство стиля» дву- или полиязычного писателя.

Поскольку дидактика перевода предполагает «опыт познания переводческой мысли через препарирование чужих переводов» [10, с. 40], данный аспект исследования – анализ грамматических конstituентов идиостиля как целостного феномена, проявляемого в художественных автопереводах, – имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

В аспекте дидактики перевода, а именно взаимодействия обучающего и обучаемого, весьма продуктивно применение элементов проблемной и проектной педагогических технологий, активное вовлечение личности преподавателя в анализ переводческих коррелятов и реконструкцию мотивов авторских решений (зачастую противоречивых, нелогичных, но художественно оправданных) в противовес раздаче традиционных «практических заданий». Это позволяет обучающемуся осознать перевод как процесс, носящий эвристический характер, поскольку речь идет не только о выборе конкретного варианта перевода из ряда возможных, но и в целом о переводческой стратегии [11, с. 89] и ее оценке как адекватной/неадекватной, удачной/неудачной. Перевод становится для обучающегося «сложнейшей интеллектуальной операцией и социально значимым действием, предполагающим не только знания, навыки и умения, или, как принято говорить сейчас, особые компетенции, но и осознание особой ответственности, определенное представление об эстетике речевого выражения» [10, с. 42], анализ же переводческих решений становится, в свою очередь, опытом «научения» переводу как «искусству, основанному на науке», по выражению Ж. Мунена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеева В.О. Образная система поэзии и прозы В. Набокова и языковые средства ее выражения (на материале поэзии 1918–1961 гг. и романа «Соглядатый»): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2000.
2. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Елец, 2002.
3. Кавецкая Р.К. Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм // Русский язык: сб. трудов / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; редкол.: Л. Ю. Максимов [и др.]. – М., 1975. – С. 138–150.
4. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. / М. В. Ломоносов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.).
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. – М., 1980.
6. Набоков В. Король, дама, валет. Подвиг. Лолита: романы. – Минск, 1992.
7. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост. Н. Г. Мельников. – М., 2002.
8. Иваск Ю. В. В. Набоков // Новый журнал. – 1977. – № 128. – С. 272–276.
9. Кукушкина О. В. Атрибутивная позиция, функция, форма и семантика // Системные семантические связи языковых единиц: сб. науч. ст. / МГУ; редкол.: К. В. Горшкова (отв. ред.) [и др.]. – М., 1992. – С. 87–97.

10. Гарбовский Н. К. Семь вопросов дидактики перевода, или Scopus-дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2012. – № 4. – С 36–54.

11. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М., 2013.

ОВЛАДЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ ПОСРЕДСТВОМ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА: РОЛЕВАЯ ИГРА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. С. Тамарина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tamarina@bk.ru*

Преподавание иностранного языка предполагает не только обучение языку, но и помощь студентам в личностном развитии. В данной статье дается краткий экскурс в историю ролевой игры и краткий обзор обучения, основанного на задачах, а также внимание уделяется необходимости обучения английскому языку на основе задач на занятиях и ролевой игре как эффективному методу, который служит средством развития множества навыков у студентов. Обучение английскому языку на основе задач предлагает использовать различные задания в качестве центрального компонента на занятиях, потому что они наилучшим образом способствуют активации процессов приобретения навыков иноязычной речи студентами и содействуют изучению иностранного языка.

Ключевые слова: изучение иностранного языка; обучение на основе задач; ролевая игра; разговорные навыки; мотивация.

LEARNING A FOREIGN LANGUAGE THROUGH A PRACTICE-ORIENTED APPROACH: ROLE PLAYING IN TEACHING ENGLISH

A. S. Tamarina

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus, tamarina@bk.ru*

Language teaching involves not only teaching foreign languages, but also helping students in their personal development. This article touches upon a concise outline of task-based learning and a brief historical sketch of role-play. It also focuses on the need for task-based English learning in the classroom and role-play as an effective method that serves as a means of developing a variety of students' skills. Task-based language teaching suggests using different tasks as a central component in the language classroom, because they provide better contexts for activating the processes of learner acquisition and promoting foreign language skills.

Key words: language learning; task-based teaching; role-play; speaking skills; motivation.

Английский язык является языком международного общения. Область применения английского языка всегда вызывала особый интерес, поэтому основная задача преподавания этой дисциплины — это обучение языку как реальному и полноценному средству коммуникации. Решение этой прикладной, практической задачи возможно как с помощью применения общей методологии, так и конкретных методов и приемов преподавания иностранных языков. Обучение английскому языку на основе задач является одним из наиболее перспективных и продуктивных и привлекает большое внимание как преподавателей английского языка для конкретных целей, так и исследователей языка. т.к.